

# Историко-литературные очерки

Пушкинъ и русское общество.

Тоголевская Русь.

И. С. Тургеневъ въ его жизни и творчествѣ.

Философія Л. Толстого

въ его художественныхъ произведеніяхъ.

## Гоголевская Русь.

Эхъ, тройка, птица тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа могла ты только родиться... И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидить чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаеъ и остается позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значить это наводящее ужасъ движеніе? Русь, куда-жъ несешься ты? Дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаеъ колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства...

Эхъ, ты русская тройка! Не хитрый и не прочный ты нѣмецкій экипажъ, а наскоро, какъ пришлось, нала-

диль тебя простой мужикъ, не заботясь, что черезъ каждыя двѣ станціи бѣдному путнику придется ждать, пока подлецы кузнецы, заломивъ втридорога цѣну за свою работу, закрѣпятъ расшатавшійся передокъ или обтянутъ заново колесо. Не нарядный аккуратный кучерь, а полупьяный ящикъ, одѣтый въ какую-то дрянъ изъ сѣраго сукна, сидитъ на козлахъ и то сонно ведетъ безконечную бесѣду съ залѣнвившимися конями, то мчится, не разбирая дороги и не считая верстъ, мимо всякой дичи, глуши, кочекъ, обгорѣлыхъ пней, по ветхимъ мостамъ, по пыльному проселку, а то и по вспаханному полю и, какъ настоящій русскій возница съ добрымъ чутьемъ вмѣсто глазъ, всегда куда-нибудь да приѣзжаетъ. И то опрокидывается въ грязь со всего размаху коляска, то безнадежно перепутываются кони въ упряжи встрѣчной тройки, то налетитъ сзади казенный фельдъегеръ и трехэтажною бранью разбудитъ сладко замечтавашагося путника.

Не такъ ли и вся, Русь, пылишь и гремишь ты въ сторону куда-то отъ наѣзженной, торной дороги, тщетно погоняя своихъ чубарыхъ, охочихъ до овса, но лукавыхъ на дѣлѣ коней. Куда ты несешься? Нѣтъ отвѣта. Бѣдно, разбросанно, непріютно впереди, и дышитъ не радушнымъ роднымъ приемомъ братьевъ, но какою-то холодною занесенною вьюгою почтовою станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „Нѣтъ лошадей!“..

Читатель недоумѣваетъ. Онъ узналъ первую „тройку“: она цѣликомъ изъ Гоголя. Но откуда вторая? Да тоже изъ Гоголя. Въ ней нѣтъ почти ни одного слова, не принадлежащаго Гоголю, а смыслъ ея—смыслъ всѣхъ его произведеній, которыми онъ заслужилъ память потомства, стегнувъ бичемъ своего смѣха по конямъ, возницѣ и сѣдоку великой тройки—дореформенной Руси.

„Всѣмъ досталось“ — это замѣчаніе, приписываемое

императору Николаю I, конечно, навсегда остается справедливымъ относительно безконечной панорамы взятыхъ съ натуры Гоголевскихъ типовъ, жизненная правда которыхъ, даже иногда помимо воли автора и наперекоръ его лирическому восторгу, свидѣтельствуется, „какая грустная штука“ была эта крѣпостная чиновничья Русь. Стоитъ приглядѣться къ ней, и нѣтъ очарованія молніеносной тройки. „Веселое мигомъ обращается въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ“.

Самъ не привыкшій задумываться плутоватый Чириковъ впалъ въ раздумье при мысли о бѣглыхъ крестьянахъ Плюшкина, ушедшихъ искать вольной жизни, и „задумался такъ“, говоритъ авторъ, „какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни было лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслить объ разгулѣ широкой жизни“. Значитъ, не было въ наличности этой дорогой сердцу „бойкаго народа“ широкой жизни, когда одна мысль о ней повергала всякаго въ грустное раздумье. И не было ея дѣйствительно и не могло быть въ рабской странѣ, когда вся ширина русской удали сказывалась въ прожиганіи жизни, въ затаившихся за полночь балахъ, гдѣ „полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями въ освѣщенномъ и оглушенномъ громомъ музыки саду, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрално выскакиваетъ изъ древесной тѣни озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, а вверху темнѣе и суровѣе и въ двадцать разъ грознѣе является черезъ то ночное небо и далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни“.

И вездѣ только въ извращенномъ видѣ, какой-то пародіей на дѣйствительно широкую жизнь является у правдиваго художника русская удаля—будетъ ли это историческій человѣкъ Ноздревъ или чиновная особа

Самосвитовъ, дѣлавшій пакости во всю ширь своей природы.

Какъ нѣтъ мѣста широкой удали въ Гоголевской Руси, такъ нѣтъ въ ней мѣста и тому бойкому, мѣткому, животрепещущему русскому слову, которое такъ высоко, выше слова всякаго другого народа ставилъ Гоголь.

Не въ одномъ ли только прозвищѣ, данномъ Плюшкину и не помѣщающемся въ печатной книгѣ, и сказано это сильное, отъ сердца идущее, замашистое слово, которое бойкій русскій умъ „влѣпливаетъ сразу, какъ *пашпортъ* на вѣчную носку“? Безтолковое, несвязное слово тянется у мужика „поумнѣ“, объясняющаго Чичикову, какъ проѣхать въ Маниловку; пьяное, вялое слово Селифана усыпляетъ самого подлеца чубараго; трепетное, жалкое слово срывается у бѣднаго Акакія Акакіевича; глупое, обидное слово ссорить навѣки Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; бранное, неприличное слово отличаетъ „важнаго господина“; дикимъ, властнымъ словомъ гремитъ „значительное лицо“; какъ скрытый бурьяномъ вонючій ручеекъ, журчитъ „душеспасительное“ слово Плюшкина; льстивое и продажное извивается печатное слово въ похвалахъ „необыкновеннымъ талантамъ художника Чарткова“ и мудрости правителя города.

Бойкія, размашистыя слова нарушаютъ тишину засыпающаго русскаго города, но „какъ варомъ обдадутъ“ эти „роковыя“ слова какого-нибудь замечтавашагося юношу, который, „возвращаясь изъ театра, несетъ въ головѣ чудный женскій образъ,—и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости“—и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ и даже на сѣнной площади, и даже близъ кабака, „и вновь пошла по будничному щеголять передъ нимъ жизнь“.

Изрѣдка прорвется сквозь тиски цензуры бойкое, мѣткое русское слово, но какъ же и вскинется тогда

на писателя Гоголевская Русь! „Таково уже, видно, расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ—это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наружности и закричитъ: „Вѣдь я тоже человѣкъ, стало быть, я тоже глупъ“; словомъ, вмигъ смекнетъ въ чемъ дѣло“.

И если въ силахъ этотъ господинъ почтенной наружности, то постарается онъ „всѣхъ шелкоперовъ, либераловъ проклятыхъ узломъ завязать, въ муку стереть, да чорту въ подкладку“...

И сокращаясь примѣнительно къ независящимъ обстоятельствамъ, до какого-нибудь намека спускалось мѣткое слово русскаго писателя, но и то внушало опасенія, такъ какъ Гоголевская Русь была подозрительна и мнительна, какъ воръ или сыщикъ.

У маіора Ковалева не берутъ объявленія о пропажѣ его носа, такъ какъ недавно газета приняла объявленіе о томъ, что сбѣжалъ пудель черной масти, „а вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей какого-то заведенія“.

Какъ близокъ къ дѣйствительности былъ этотъ вымыселъ сатирика въ то время, когда печатаніе арифметическаго задачника задерживалось, потому что въ математическомъ многоточіи видѣли желаніе автора на что-то намекнуть, а юмористическое объявленіе о выходѣ энциклопедическаго словаря вызывало цѣлую бурю въ цензурномъ вѣдомствѣ, усмотрѣвшемъ тутъ указаніе на безмѣрный выпускъ правительствомъ кредитныхъ билетовъ!

Удивительно-ли, что при такихъ условіяхъ не является человѣка, который, познавъ „всю силу и свойства русской природы, на родномъ языкѣ русской души крикнулъ бы пробуждающимъ крикомъ бодрящее слово „впередъ“, котораго жаждетъ повсюду на всѣхъ сту-

пеняхъ стоящій всѣхъ сословіи и званіи и промысловъ русскій человѣкъ“.

Не слышно въ Гоголевской Руси такого слова, потому что не было такого человѣка, который бы выше всего чтить „святѣйшее изъ званій—*человѣкъ*“. Дворяне, чиновники, купцы были въ Гоголевской Руси, а просто свободныхъ людей не было, просто „люди“ значило — рабы, ничто, крещеная собственность, составлявшая однако внушительную часть населенія.

Въ немногихъ, но памятныхъ по своей яркости картинахъ представилъ Гоголь ту высшую ступень почти нечеловѣческаго равнодушія къ своей судьбѣ и безличія, до котораго доведенъ крѣпостной.

Припомнимъ для примѣра кучера Селифана, „неоцѣненного кучера Селифана“, какъ выразился выросшій на крѣпостнической почвѣ критикъ Шевыревъ, умилявшійся передъ „доброю человѣческой натурой“ чичиковской собственности. Вотъ стоитъ эта добрая натура надъ барахтающимся въ грязи бариномъ.

— Вишь ты, и опрокинулась! — произноситъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, поглядывая на брочку.

— Вотъ я тебя высѣку,—грозитъ баринъ.

— Какъ милости вашей будетъ завгодно,—отвѣчалъ на все согласный Селифанъ.—Коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ этого. Почему же не посѣчь, коли за дѣло? На то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать.

„Добрая человѣческая натура“?! Искаженный до неузнаваемости образъ Божій!

Забитый, запуганный мужикъ боится „одного картуза капитана исправника“ или уже вдругъ проявить себя и проявить такъ, какъ умѣетъ проявлять себя только выведенный изъ терпѣнія смиренный русскій человѣкъ. Передъ самымъ отъѣздомъ Чичикова изъ города N. мужички двухъ селъ снесли съ лица земли земскую

полицію въ персонѣ засѣдателя Дробяжкина, котораго нашли на дорогѣ въ такомъ видѣ, что мундиръ на немъ былъ хуже тряпки, а ужъ фізіономіи и распознать нельзя было. Вина засѣдателя была въ томъ, что слабъ онъ былъ по сердечной части и повадился черезчуръ часто въ деревню, „что въ иныхъ случаяхъ стѣитъ повальной горячки“. Но и въ этой расправѣ крестьянскій міръ Гоголевской Руси такъ же безличенъ, такъ же похожъ на какое-то неодоушевленное, неорганическое тѣло, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда отдѣльные его члены продаются, проигрываются или уступаются вмѣстѣ съ колясками, дачами и прочимъ добромъ или вымѣниваются на лошадей и сами идутъ взымать какого-нибудь особеннаго сафьяннаго съ золотомъ кисета.

Мало, того „по существующимъ положеніямъ русскаго государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши земное поприще, числятся однакожъ до подачи новой ревизской сказки наравнѣ съ живыми“ и, будучи „въ нѣкоторомъ родѣ совершенной дрянью“, „прахомъ“, „тряпкой, хуже тряпки“, облагаются податями, „какъ бы живой предметъ“, и при извѣстной находчивости и смѣлости въ качествѣ такового подлежатъ всякимъ коммерческимъ операціямъ, „или негоціямъ“.

Какъ ни привычны были нервы крѣпостническаго общества, но сценъ продажи мертвыхъ душъ не выдержали. То, что проходило незамѣтно въ обычной обстановкѣ, показалось во всей дикости при томъ освѣщеніи, какое далъ Гоголь. Два съ полтиной рубля за челоѣческую душу—это возмутительно. „Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить“, негодовали добрые люди.

Но Гоголь показалъ, что въ странѣ, гдѣ одна половина населенія продается и покупается вмѣстѣ съ пенькой и медомъ, другая половина населенія мо-



жетъ только снаружи и по недаразумѣнію считается свободной и благородной. Поищите въ Гоголевской Руси человѣка, который бы цѣнился, какъ личность разумно-нравственная. Не найдете такого человѣка, потому что Гоголевская Русь не знала и не понимала такой оцѣнки. Каждый оцѣнивался по числу принадлежащихъ ему ревизскихъ душъ, по своему чину ил., наконецъ, по степени близости къ другому лицу, обладающему ревизскими душами и чинами.

Поэтому Чичиковъ сразу зарекомендовалъ себя „основательнымъ“ человѣкомъ, такъ какъ сначала справлялся о количествѣ крѣпостныхъ душъ у того или иного гостя, а потомъ только о его фамиліи, имени и отчествѣ.

„Надобно сказать, поясняетъ Гоголь, что у насъ на Руси, если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣнны обращать. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ особенностей и различій нашего обращенія; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ и съ мелкимъ табачнымъ торгашемъ, хотя конечно, въ душѣ по подличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста; а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ... словомъ, хотъ восходи до милліона, все найдутся оттѣнки“.

Тѣ же оттѣнки и въ чиновномъ мірѣ. Какой-нибудь правитель канцеляріи... „Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ — да просто отъ страха и слова не выговоришь. Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что

мочи нѣтъ“. Человѣкъ, у котораго нѣскольکو сотъ душъ или миллионное состояніе, или крупный чинъ, оказываетъ прямо какое-то химическое дѣйствіе на нравственное вещество окружающихъ, хотя бы и не подчиненныхъ ему людей: „когда вельможа говорить, чувствуешь страхъ“. Даже очень хорошо зная, что ничего отъ него не получаютъ, „непремѣнно хотъ забѣгутъ ему впередъ, хотъ засмѣются, хотъ снимутъ шляпу“, словомъ, по выраженію Гоголя, въ присутствіи такого человѣка чувствуютъ какое-то „нѣжное расположеніе къ подлости“.

Прилгнуть и прибавить себѣ чинъ, назвать себя майоромъ, а не коллежскимъ ассессоромъ, приписать себѣ хотъ въ воображеніи больше богатства, чѣмъ есть—общая замашка въ Гоголевской Руси, и притомъ еще „страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотъ однимъ чиномъ былъ повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для русскаго человѣка лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній“.

Родство, дружба—все человѣческое забывается, гложетъ въ Гоголевской Руси предъ интересами карьеры. „Скажите, пожалуйста“, говоритъ Хлестаковъ Земляникъ: „мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?“

— Очень можетъ быть,—соглашается тотъ и „для пользы отечества“ начинаетъ наушничать на „родню и пріятеля“—достойнаго Аммоса Ѳедоровича.

Личнаго достоинства ни на каплю. Тотъ же самый поручикъ Пироговъ, который гордится своимъ чиномъ и даже однажды на улицѣ, вдохновляемый двумя весьма недурными дамами, проходящими около, въ рѣзкихъ словахъ замѣчаетъ писарю, что передъ нимъ стоитъ поручикъ, а не другой какой офицеръ; тотъ же самый Пироговъ за чтеніемъ „Сѣверной Пчелы“ и двумя слоевыми пирожками забываетъ, что его только передъ этимъ пребольно высѣкли три пьяныхъ нѣмецкихъ ремесленника.

Кочкаревъ въ „Женитьбѣ“ очень резонно объясняетъ Агафѣ Тихоновнѣ, что ей нечего бояться гнѣва жениховъ: самое большее, если кто-нибудь плюнетъ въ глаза, но что это за обида? Инымъ плевали нѣсколько разъ. Если бы еще далеко былъ платокъ, а то вѣдь онъ въ карманѣ—взялъ да и вытеръ. Унтеръ-офицерша, которую полиція „отрапортовала“ по ошибкѣ, горитъ однимъ желаніемъ сорвать за это „штрафъ“, и говоритъ, что ей „отъ своего счастья неча отказываться“.

„Историческій человѣкъ“ Ноздревъ, какъ извѣстно, часто бывалъ битъ за мошенничество. „И что можетъ только на одной Руси случиться“, по словамъ Гоголя, черезъ нѣсколько времени побитый за мошенничество мирно сходилъ съ тѣми, кто побилъ его за мошенничество—„и онъ ничего, и они ничего“. „Ужъ вы женщины“, урезониваетъ городничій свою жену: вамъ все финтифлюшки! „Васъ посѣкутъ, да и только!“.

Обладаніе ревизскими душами какъ будто упраздняло въ дворянинѣ Гоголевской Руси его собственную душу, и только интересы плоти, желудка становились ему близки и понятны. Гоголевская Русь вся вообще развратна и обжорлива. Оставляя уже въ сторонѣ обреченныхъ на животное существованіе мужиковъ, взгляните, какъ живутъ привилегированные классы. У кого изъ нихъ Гапка, у кого какая-то діаконица, то свояченица, то смазливая нянька.

„Значительное лицо“, человѣкъ не молодой, выростившій двухъ сыновей и миловидную шестнадцатилѣтнюю дочь, которые каждый день цѣловали ему руку, приговаривая: „bonjour, papa“, мирно и согласно жившій съ супругой, женщиной еще свѣжей, и вообще „совершенно довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу“ Каролину Ивановну.

У милѣйшаго Добчинскаго старшій и очень способный сынишка рожденъ до брака, хотя совершенно

такъ же, какъ бы и въ бракѣ, а всѣ слѣдующія дѣти— какъ вылитый судья. Въ городѣ N. при всей изысканности выраженіи и при всей строгости нравовъ, исполненныхъ благороднаго негодованія противъ всего порочнаго, происходило однако между дамами „другое— третье“, но только при этомъ не подавалось и вида, что оно происходило, и сохранялось все достоинство.

Припомните также, какъ ѣли и объѣдались въ Гоголевской Руси до болѣзни, до потери сознанія, ѣли, какъ будто священнодѣйствовали. „Сія дыня съѣдена такого-то числа. Присутствовалъ такой-то“. Это Иванъ Ивановичъ записываетъ каждый разъ. А Иванъ Никифоровичъ любитъ пить чай въ рѣкѣ, гдѣ ставятъ ему столъ и самоваръ. Городничій, рисуя себѣ идеалъ новой, петербургской жизни, съ умиленіемъ представляетъ, какъ онъ будетъ кушать двѣ рыбки—ряпушку и корюшку. Собакевичъ въ одинъ присѣстъ уничтожаетъ пудоваго осетра, впадая послѣ этого въ сонное состояніе. О благотворномъ дѣйствиіи слоеныхъ пирожковъ на возмущенную душу Пирогова пришлось уже сказать выше.

По какой-то роковой судьбѣ въ Гоголевской Руси удаются только такія „представительныя засѣданія“, которыя составляются для того, чтобы „покутить или пообѣдать“. На разныя благотворительныя и поощрительныя общества „готовности“ много, но дѣло кончается тѣмъ, что на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ устраивается „обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города“, остальные деньги идутъ на обзаведеніе комитету, а для бѣдныхъ остается „пять рублей съ полтиной“, да и тѣ каждый членъ комитета норовитъ передать какой-нибудь своей кумѣ.

Это не дѣятели и не граждане, а просто какіе-то „существователи“, по мѣткому слову Гоголя. Пустота и безсильная праздность жизни смѣнялась мутной, ничего не говорящей смертью. Умеръ Акакій Акакіевичъ—

и ничего не измѣнилось, какъ будто пролетѣла муха, и на его мѣстѣ тотчасъ же сѣлъ другой чиновникъ, и только измѣнился нѣсколько видъ бумагъ: онѣ стали переписываться другимъ почеркомъ. Но умеръ прокуроръ—и какая же разница? „Вотъ напечатають въ газетахъ, размышляетъ Чичиковъ, что скончался къ прискорбію подчиненныхъ и всего человѣчества, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ, а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови“. А безконечная толпа провожающихъ занята была разговоромъ о своихъ дѣлахъ—о новомъ генераль-губернаторѣ, фестончикахъ и нашивочкахъ.

Бѣдности, грязи, убожеству въ духовной жизни соотвѣтствовало то же и въ матеріальной жизни Гоголевской Руси. Бѣдна и неопрытна внѣшность Гоголевской Руси. Раціональнаго хозяйства нигдѣ нѣтъ, кромѣ помѣщика Костанжогло, у котораго „всякая дрянь даетъ доходъ“, но вѣдь это человѣкъ не чисто русской крови. Собакевичи, Коробочки, Товстогубы управляются со своими помѣстьями больше по какому-то инстинкту, какъ бобры устраиваютъ свои хитрыя норы, но яснаго, широкаго взгляда на дѣло у нихъ нѣтъ, и благодатная природа или совершенное ничтожество окрестныхъ владѣтелей да крѣпостныя руки являются ихъ единственными союзниками. У Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Ноздревыхъ, Пѣтуховъ и всѣхъ прочихъ собственно хозяйства нѣтъ, а такъ что-то такое—ни то, ни се. Имѣніе то запущено, то заложено, то все въ рукахъ мужика-приказчика. А каково убранство помѣщичьяго дома? Залѣпленныя окна и знаменитая куча въ углу у Плюшкина, вѣчно необитыя кресла у Манилова, неуклюже-нелѣпная обстановка у Собакевича, вѣчная грязь у Ноздрева и т. д. и т. д.

Посмотримъ на городское благоустройство. „На улицахъ кабакъ, нечистота“, ужасается городничій, узнавъ

о прїѣздѣ ревизора: „и что за скверный городишка— поставь только памятникъ или просто заборъ, такъ сейчасъ и нанесутъ на 40 телѣгъ всякаго сору“. Да еще всюду видна „дрянная гарница“, у которой сверхъ рубахи только мундиръ, а внизу ничего и нѣтъ. Миргородскій городничій не ждетъ ревизора и потому очень спокойно любитъся на „озеро“, находящееся на главной городской площади, и на плетни и заборы, украшенные не совсѣмъ приличными для разсматриванія, но совершенно необходимыми принадлежностями туалета обывателей.

А вотъ губернской городъ N. Мостовыя вездѣ плоховаты, дома однообразны, далеко тянутся заборы съ обычными надписями и приводятъ къ пустынной или, какъ у насъ выражаются, „красивой площади“. Городской садъ состоялъ изъ тоненькихъ, дурно принявшихся деревъ не выше тростника, о которыхъ, впрочемъ, сказано было въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что „городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день“. Чаще всего попадаются дома, украшенные государственнымъ гербомъ или лаконической надписью: „Питейный домъ“. Самымъ убогимъ, грязнымъ, наводящимъ тоску и уныніе уголкомъ гоголевскаго города были присутственныя мѣста. Тогда не заботились о чистотѣ, и „то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ. Ѳемида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ принимала гостей“. Надъ самымъ столомъ съ бумагами могъ преспокойно висѣть охотничій арапникъ, свидѣтельствовавшій о наклонностяхъ судьи, а въ комнатѣ просителей, иногда же и на крыльцѣ „присутствія“ шныряли куры, гуси и другая живность, подбирая зерна, разсыпанныя неосторожными просителями изъ приносимыхъ ими для доказательства невинности кузовковъ.

Отчего же такъ неказиста и убога внутри и снаружи

Гоголевская Русь? Оттого, что не располагала она средствами ни приобрести, ни сохранить надлежащимъ образомъ внутреннее и внѣшнее благообразіе.

Дурное воспитаніе, всеобъемлющая ложь, административный и судебный произволъ были разными сторонами одного общаго зла, въ силу котораго Гоголевская Русь была бѣдна и неприглядна во всѣхъ отношеніяхъ. Съ горечью отмѣчаетъ Гоголь невѣжественную раздражительность, какою встрѣчено его лучшее произведеніе. Это „признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы“, говоритъ онъ. „То, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества, а это невѣжество всеобщее“.

Гоголевскіе герои учились на мѣдныя деньги. Миргородскій городничій лишь на 30-мъ году сталъ учиться скорописному письму, а судья, прочитавшій 5—6 книгъ, уже слыветъ среди сослуживцевъ вольнодумцемъ, отъ рѣчей котораго волосъ дыбомъ становится. Просвѣщеніе разсматривается, какъ нѣчто опасное, вредное или, по крайней мѣрѣ, странное и ненужное, и приняты всѣ средства, чтобы его обезвредить. Хорошее поведение, послушаніе ставится выше успѣховъ въ наукахъ, и въ умномъ и остромъ мальчикѣ учитель уже подозрѣваетъ заносчивость и непокорность. Рабы боятся, какъ бы ненарокомъ не воспитать свободнаго чело-вѣка. Сдѣланная учителемъ при входѣ начальства гримаса уже принимается за попытку „внушить юношеству вольнодумныя мысли“ и навлекаетъ выговоръ на вѣчно трепещущаго зрителя училища. „Не приведи Богъ служить по ученой части: всего боишься!“ Нужно ли говорить, что физическое воздѣйствіе считается самымъ раціональнымъ педагогическимъ средствомъ. Городничій такъ формулируетъ примѣненіе его въ разныхъ системахъ воспитанія, обращаясь къ купцамъ: „Да дворянинъ... ахъ ты рожа! Дворянинъ учится

наукамъ: его хотъ и *сѣкутъ* въ школтѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что?—начинаешь плутнями, тебя хозяинъ *бьетъ* за то, что не умѣешь обманывать“.

Несмотря на всѣ урѣзыванія, производимыя Гоголевской Русью надъ бѣдной наукой, несмотря на домостроевскіе методы обученія, школа никакъ не могла вполне поладить съ жизнью, и, по неисповѣдимому закону судебъ, умные люди удивляютъ гоголевскихъ героевъ тѣмъ, что они или пьяницы, или рожу состроятъ, или живутъ какими-то отверженными. Собакевичъ по-своему правъ, когда говоритъ, что „просвѣщеніе—фукъ“. Въ самомъ дѣлѣ, на что нужна наука помѣщику-крѣпостнику? Маниловы, Платоновы или Тентетниковы—какъ они приложатъ свои знанія, не слишкомъ и обширныя притомъ, къ неопрытному, грубому хозяйскому дѣлу? Тетушка Шпоньки своей рукой была непокорныхъ вассаловъ и пьяницу мельника сдѣлала шелковымъ мужикомъ. Что же могла на ея мѣстѣ сдѣлать Манилова со своимъ пансіонскимъ воспитаніемъ, въ основѣ котораго были французскій языкъ, фортепіано и вязаніе сувенировъ для супруга? Какъ было ругать мужиковъ „неумытымъ рыломъ“ и давать имъ подзатыльники гуманно воспитанному Тентетникову, когда онъ самъ не могъ вынести канцелярскаго деспотизма и поссорился съ сосѣдомъ помѣщикомъ изъ-за фамильярнаго „ты“?

Ни въ какомъ университетѣ нельзя было узнать, что не слѣдуетъ „въ одной строкѣ писать *сі-*, а въ другой *ятельству*“ и оставлять въ официальной бумагѣ неровныя поля, зато безъ всякихъ университетовъ „дѣловой человѣкъ“ Гоголевской Руси зналъ, когда нужно сбросить съ рукъ Зюзюшку и развернуть передъ собой Сводъ Законовъ.

Совершенно естественнымъ порядкомъ все болѣе или менѣе честное, развитое устранялось изъ обихода, и господство въ канцеляріяхъ оставалось за Сквозниками-Дмухановскими, Собакевичами и имъ подобными.



Воинствующее невѣжество вело дѣла, какъ ему было угодно, и при малѣйшей попыткѣ не только сопротивленія, но просто вслухъ выраженнаго несочувствія поднимало грозный кличъ: Отечество въ опасности. Гоголю пришлось испытать это на себѣ.

Невѣжество всегда идетъ рядомъ съ ложью. Оно прикрывается ложью, ищетъ въ ней силы и само служить ей защитой и даетъ силу. Естественно, что невѣжественная Гоголевская Русь сверху донизу заражена ложью. Разными недостатками и пороками отличаются гоголевскіе герои—по одинъ у всѣхъ общій: всѣ они лгутъ, если не передъ людьми, то передъ собой и, кажется, тутъ нѣтъ ни одного исключенія. У нихъ „не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь“. Ложь принимаетъ у нихъ самыя разнообразныя формы и проявляется во всѣхъ степеняхъ отъ граціозной Маниловской увертки на вопросъ чиновниковъ о Чичиковѣ, до колоссальной Ноздревщины и Хлестаковщины. Гоголевская Русь лжетъ, вретъ, сплетничаетъ, обманываетъ, надуваетъ, мошенничаетъ, лукавитъ, лжесвидѣтельствуется, лицемеритъ, клеветаетъ—по привычкѣ, отъ нечего дѣлать, по настроенію, съ расчетомъ, безкорыстно, изъ трусости, въ отместку, робко и съ убѣжденіемъ. Знаменитые гоголевскіе герои Хлестаковъ и Чичиковъ все свое благополучіе строятъ на обманѣ, и Чичиковъ впоследствии совершенно искренно жалуется на судьбу, разрушившую всѣ его расчеты—онъ „трудился“, онъ не то что кого ограбилъ или обворовалъ казну; „покривилъ, но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь“.

Въ этомъ убѣжденіи, что „прямой дорогой не возьмешь“, Собакевичъ приписываетъ въ числѣ мужиковъ Елизаветъ Воробей, надувая Чичикова на 2 рубля съ полтиной, Ноздревъ двигаетъ рукавомъ шашки, Ихаревъ подбираетъ шуллерскую колоду картъ, Осипъ „шмыгаетъ“ отъ извозчика въ проходныя ворота, масте-

ровой — кузнецъ, портной, сапожникъ — запрашиваетъ втридорога и ставитъ дурной товаръ, а послѣ, отвадивъ обманомъ заказчиковъ, запиваетъ и жалуется: „Плохо на свѣтѣ. Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ“. А тутъ же рядомъ мастеровой нѣмецъ, разсчитавшій впередъ всю жизнь, когда еще „русскій живетъ на фу-фу“, гордясь своей честностью, стыдится обмануть въ чемъ-нибудь заказчика и живетъ припѣваючи, и еще „вдохновенно“ напивается по праздникамъ. Какъ онъ умудряется это дѣлать, Гоголевская Русь представить не можетъ и жестоко бранитъ нѣмца, что въ немъ широты размаха нѣтъ, и предпочитаетъ съ налету урвать гдѣ-нибудь покрупнѣе кушъ, предпочтительно на счетъ государства или въ силу власти, отъ государства полученной.

Казнокрадство и взятка—это почти узаконившіяся и освященныя обычаемъ средства обогащенія. „Это уже самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ“. Притомъ же все это „дѣла семейныя“. Береть всякій, кто можетъ, сколько можетъ и гдѣ можетъ. „Инкогнито“ ревизора обнаруживается, между прочимъ, потому, что онъ „денегъ не платитъ“. У Гоголя въ его записныхъ книжкахъ занесены любопытныя свѣдѣнія о разнаго рода взиманіяхъ, доступныхъ губернатору и прокурору. Не воспользовавшись этимъ матеріаломъ, авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ далъ неисчерпаемый запасъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о необыкновенной находчивости чиновничества Гоголевской Руси въ нагрѣваніи рукъ насчетъ казны и всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ администраціей и судомъ. Уже не говоря объ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ чиновникахъ, какой-нибудь Осипъ, только-что почувшій какое-то касательство къ власти, начинаетъ распорядиться: „Отнесешь письмо на почту и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку,

курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не платить; прогонъ, моль, скажи, казенный“. Купецъ, тотъ самый купецъ, котораго городничій хватаетъ за бороду, величаетъ татаринѡмъ и заставляетъ нести ему всякихъ припасовъ и на Антона и на Онуфрїя, надуваетъ казну на 100 тысячъ да еще ждетъ себѣ награды, потому что тотъ же городничій является тутъ его союзникомъ. Въ Гоголевской Руси казнокрадство представлялось однимъ изъ чиновничьихъ полномочїй, а взятка была важнѣйшимъ рычагомъ административнаго и судебного механизма. Въ этомъ отношенїи рядомъ съ взяткой стояли, во-первыхъ, личное расположенїе или нерасположенїе и, во-вторыхъ, минутное настроенїе начальствующаго; того же, что въ политически свободныхъ государствахъ называется закономъ, въ Гоголевской Руси совершенно не существовало, и здѣсь многочисленные историческіе факты и свидѣтельства даже такихъ людей, какъ панегиристъ Каткова—Любимовъ, вполне подтверждаютъ картину, нарисованную Гоголемъ, картину мѣстами еще слишкомъ блѣдную, потому что не мало яркихъ штриховъ было замазано стоявшею на высотѣ призванїя цензурой. Но и того, что было брошено въ глаза обществу, было много со стороны писателя до-реформенной, крѣпостной Руси. Одна Чичиковская эпопея—это грозный протестъ противъ тогдашняго бюрократическаго царства.

Среди наставленїй прописной морали и примѣровъ безсовѣстнаго нарушенїя всякихъ божескихъ и человѣческихъ законовъ воспитывался Чичиковъ въ родительскомъ домѣ, казнокрадствомъ и подлостью составилъ служебную карьеру и сталъ почтеннымъ человѣкомъ, очаровывающимъ всѣхъ до единаго, отъ Плюшкина и до генерала Бетрищева. Ему друзья всѣ чиновные люди, которымъ онъ умѣетъ въ-время польстить принадлежащимъ имъ титуломъ превосходительства. Зато онъ не боится опоздать въ палату, „ибо предсѣдатель

быть человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить по его желанію присутствіе“. Съ Чичикова не только не берутъ взятокъ, не только заканчиваютъ его дѣло съ необыкновенной быстротой, — но предсѣдатель еще даетъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, „а другая неизвѣстно какимъ образомъ отнесена была насчетъ какого-то другого просителя“. Но вотъ повернулось колесо фортуны — и Чичиковъ такъ, какъ его засталъ жандармъ, во фракѣ наваринскаго дыма съ пламенемъ, попадаетъ въ тюрьму.

„Какъ же можно такъ поступить?—въ отчаяніи рыдаетъ онъ: дворянина, дворянина безъ суда, безъ слѣдствія бросить въ тюрьму!“ Новый оборотъ судьбы; является... — не правый судъ, конечно: въ немъ не было надобности — является прохвость Самосвитовъ, типъ людей, которые въ глухія времена безправія становятся сильнѣе закона — онъ измѣняетъ все дѣло. Подъ видомъ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей караульный солдатъ приносить Чичикову въ тюрьму его драгоценную шкатулку и всѣ его бумаги, а вскорѣ Чичиковъ уже на свободѣ, и намѣсто женщины, бывшей уликою противъ него, оказывается въ тюрьмѣ другая, ничего не знавшая и не понимавшая, а прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась.

Возможность утѣснить, прижать человѣка, надругаться надъ его личностью или пренебречь ею — пріятно щекочетъ самолюбіе гоголевскаго чиновника. Хлестаковъ, не разъ, конечно, испытывавшій прелесть начальническаго распеканія на своей особѣ, вдохновенно рисуетъ воображаемую картину, какъ онъ прижалъ государственный совѣтъ, и какъ въ его передней, пока онъ еще не проснулся, жужжать, точно шмели, графы, князья и министры. Городничій, который уже и въ своемъ дѣйствительномъ чинѣ хозяйничаетъ всѣмъ городомъ по домашнему, умиляется мыслью, какъ онъ будетъ генераломъ. „Вѣдь почему хочется быть генераломъ?

Потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и тамъ на станціи никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Вотъ что, канальство, заманчиво!“

— Тебѣ все такое грубое нравится, замѣчаетъ его супруга, и это вѣрно относительно всѣхъ Сквозниковъ-Дмухановскихъ, даже и тѣхъ, которые стали потомъ ѣздить на экстренныхъ поѣздахъ, задерживая всѣ пассажирскіе, почтовые, скорые, курьерскіе...

Но сама-то Анна Андреевна въ ожиданіи того, когда ея Антоша „влѣзетъ въ генералы“, начинаетъ такъ „трактовать“ своихъ знакомыхъ, что вызываетъ среди нихъ полное неудовольствіе.

Знаменитое изреченіе Сквозника - Дмухановскаго: „Чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя“ нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Именно „ломка“, ломка не только зданій, дорогъ, но и живыхъ людей, характеровъ, исторически выросшихъ учреждений. Если же къ этому изреченію городничаго присоединить еще хлестаковское: „Я вдругъ... У меня необыкновенная легкость въ мысляхъ“, то передъ нами краткая, но выразительная характеристика не только градоправителей, а и всѣхъ вообще правителей Гоголевской Руси.

Городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, не попался бы такъ глупо въ просакъ и не принялъ „сосульку, тряпку“ за ревизора, если бы при „необыкновенной легкости въ мысляхъ“ у людей власть имущихъ нельзя было ожидать какого-нибудь необыкновеннаго назначенія.

Вращаясь въ мірѣ случайностей, бѣдный титулярный совѣтникъ Поприщинъ сходитъ съ ума на мысли о томъ, почему онъ только титулярный совѣтникъ, почему его не могутъ вдругъ пожаловать въ генераль-губернаторы или еще въ какой-нибудь важный санъ.

„Прикажутъ — акушеромъ буду“, говорилось тогда среди живыхъ, а не вымышленныхъ людей. Акакій Акакіевичъ и въ могилу сошелъ потому, что постороннему генералу „вдругъ“ вздумалось показать передъ своимъ пріятелемъ, что „слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка“. Между тѣмъ въ душѣ это былъ добрый человѣкъ: его только „генеральскій чинъ“ совершенно сбиль съ толку“ и, ставъ изъ незначительнаго лица вдругъ значительнымъ лицомъ, онъ всѣми силами старался не уронить своего положенія мягкимъ отношеніемъ къ низшимъ чиновникамъ. „Такъ уже на святой Руси все заражено подражаніемъ: всякій дразнить и корчить своего начальника“.

Легкости въ мысляхъ и быстроты недостаетъ у администраціи только тогда, когда въ этомъ нуждается обыватель. Съ этой стороны любопытно взглянуть на полицію Гоголевской Руси.

„Бабы подрались на улицѣ, а полиція не dospѣла“, и унтеръ-офицерская вдова поэтому „сама себя высклѣла“. Когда весь составъ полиціи долженъ быть налицо, всегда оказывается, что какой-нибудь Прохоровъ „къ дѣлу не можетъ быть употребленъ: вчерашняго дня случилась за городомъ драка — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ“.

Когда обывателя грабятъ, блюститель общественной безопасности дремлетъ „по уставамъ своего рыцарства, склоняясь на алебарду“, а когда ограбленный обыватель послѣ долгихъ хлопотъ добирается до пристава, то его самого прежде всего подвергаютъ допросу, почему онъ такъ поздно возвращался домой и не былъ ли въ какомъ-нибудь непорядочномъ домѣ. Тамъ, гдѣ во главѣ администраціи стоятъ Сквозники-Дмухановскіе, полицейскіе Держиморды не только „не по чину берутъ“, но и готовы для порядка правому и виноватому ставить синяки подъ глазами. Въ городѣ N, гдѣ губернаторъ вышиваетъ по тюлю такъ искусно, что ника-

кой дамѣ не уступитъ, управленіе нѣсколько мягче. Но все-таки полиціеімейстеръ этого города настоящій „чудотворецъ“: стоитъ ему мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда, и у него тотчасъ явятся припасы для великолѣпнаго угощенія. А вотъ когда дошло дѣло до „мертвыхъ душъ“, то и „чудотворецъ“ не зналъ, какія мѣры предпринять, и кто такой Чичиковъ: „такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ“.

Относительно суда, который наравнѣ съ полиціеі оберегаетъ безопасность, имущество, честь и свободу обывателей, составилось въ Гоголевской Руси мнѣніе, что ему „самъ Богъ покровительствуетъ“. Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ давно махнулъ рукой на дѣла, травитъ себѣ зайцевъ на земляхъ истцовъ и отвѣтчиковъ и готовъ примириться, если написанное о немъ слово „моветонъ“ значитъ „только мошенникъ“.

Благо тому, кто не нуждается въ судѣ Гоголевской Руси и остается недосягаемымъ для него.

Мирно доживаетъ свой вѣкъ и наживаетъ сыновей и внуковъ помѣщикъ, отданный подъ судъ, но не заботящійся объ этомъ, и разоряются Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, пытаясь ускорить движеніе знакомой Гоголю до-реформенной Оеиды.

Намъ незачѣмъ употреблять усилія, чтобы соединить всѣ отдѣльныя вышеприведенныя подробности въ одну общую картину: это сдѣлалъ самъ Гоголь въ той странной книгѣ, гдѣ сентиментальныя мечтанія въ карамзинскомъ духѣ прерываются постоянно трезвой правдой тонкаго наблюдателя, и гдѣ некстати спутавшія руку писателя монашескія четки то и дѣло обращаются въ бичъ. „Устроить дороги, мосты и всякія сообщенія“ — пишетъ Гоголь въ одномъ изъ избранныхъ писемъ — „есть дѣло истинно нужное; но угладить многія вну-

трещія дороги, которыя до сихъ поръ задерживаютъ русскаго человѣка въ стремленіи къ полному развитію силъ его и которыя мѣшаютъ ему пользоваться какъ дорогами, такъ и всякими другими вышностями образованія, о которыхъ мы такъ усердно хлопочемъ, есть дѣло еще нужнѣйшее“.

„Россія несчастна отъ грабительствъ, которыя до такой наглости еще не возносили рогъ свой. Возникшія запутанности застѣнили всѣхъ другъ отъ друга и отняли почти у каждаго просторъ дѣлать добро и пользу истинную своей землѣ... безчестные взяточники и плуты, продавцы правосудія и грабители, какъ вороны, налетѣли со всѣхъ сторонъ клевать еще живое наше тѣло и въ мутной водѣ ловить свою презрѣнную выгоду“.

„Всѣ почти должности выступили изъ предѣловъ и границъ, указанныхъ закономъ. Въ послѣднее время стали особенно чувствоваться полномочіе и развязанныя руки тамъ, гдѣ нужно пренятствовать въ дѣйствіяхъ, а связанныя руки тамъ, гдѣ нужно споспѣшествовать имъ“.

„Система ограниченія самая мелочная система. Человѣка нельзя ограничить человѣкомъ; на слѣдующій годъ окажется надобность ограничить и того, который приставленъ для ограниченія, и тогда ограниченіямъ не будетъ конца. Это пустая и жалкая система... Нужно оказать довѣріе къ благородству человѣка, а безъ того не будетъ вовсе благородства. Кто знаетъ, что на него глядятъ подозрительно, какъ на мошенника, и приставляютъ къ нему со всѣхъ сторонъ надсмотрщиковъ, у того невольно отнимаются руки. Нужно развязать каждому руки, а не связывать ихъ; нужно напирать на то, чтобы каждый держалъ самъ себя въ рукахъ, а не на то, чтобы его держали другіе“.

Гоголевская Русь не была бы тѣмъ, что она была, если бы она равнодушно позволила писателю высказывать ей такіе горькіе укоры. Тысячей мелкихъ и круп-



ныхъ толчковъ, уколовъ, щипковъ обрушилась она на смѣльчака, наслала на него поповъ Матвѣевъ, застрашала муками ада и земли и не оставила его въ покоѣ даже послѣ смерти, наложивъ опалу на его имя.

Составивъ себѣ такой взглядъ на театральную сцену, что это „каѳедра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ урокъ“, и видя свое назначеніе въ томъ, чтобы „плѣсень и тину“ сбросить съ людскихъ душъ своимъ благороднымъ смѣхомъ, Гоголь заранѣе предчувствовалъ всѣ затрудненія для откровеннаго и безпощаднаго обличенія современности на театральной сценѣ.

„Я помѣшался на комедіи“, — писалъ онъ года за два до „Ревизора“ — „она, когда я былъ въ Москвѣ и въ дорогѣ и когда пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было началъ составляться. И сколько злости, смѣху, соли! Но вдругъ остановился. А что изъ того, когда піеса не будетъ играна? Драма живетъ только на сценѣ... Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости? Итакъ, за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложи, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы—и исторія къ чорту“.

Именно комедія („Ревизоръ“) и вызвала противъ Гоголя ту бурю негодованія, съ которой не могъ справиться онъ.

„Всѣ противъ меня“, пишетъ онъ послѣ „Ревизора“: „Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня... литераторы противъ меня, теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Ма-

лѣйшій! призракъ истины, и противъ тебя возстають не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія“.

Почему гоголевская комедія возбудила такое общее негодованіе? Самъ Гоголь указываетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ, когда говоритъ: „Мы такъ пригля-дѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ піесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представить какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ, не личность ли это, потому что представляемое лицо совсѣмъ не похоже на какого-нибудь пейзажа, театральнаго тирана, рюмоплета, судью и тому подобныя обшешенныя лица, которыхъ таскають беззубые авторы въ свои піесы“.

Но не только одни внѣшнія условія оказались противъ Гоголя, были и внутреннія, въ самомъ процессѣ его творчества лежавшія причины его писательской драмы. До сихъ поръ, принимая извѣстную литературную параллель въ VII ч. 1-го тома „Мертвыхъ Душъ“ за точную характеристику Пушкина и Гоголя, мы еще не вполне освободились отъ страннаго взгляда на Гоголя, какъ на изобразителя пошлости *по призванію*. Пора обратить вниманіе на то, что между Пушкинымъ и Гоголемъ нѣтъ такой рѣзкой грани, что Пушкинъ постепенно переходитъ въ Гоголя, выражаясь фигурально. „О, люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха“ — это восклицалъ Пушкинъ за нѣсколько лѣтъ до гоголевскаго опредѣленія „видимый смѣхъ сквозь незримыя слезы“. Отъ пушкинскихъ „Гробовщика“ „Станціоннаго смотрителя“, нѣкоторыхъ мѣстъ въ „Онѣгинѣ“ и нѣкоторыхъ стихотвореній послѣднихъ лѣтъ незамѣтенъ переходъ къ гоголевской „Шинели“, которая почти одинаково далека какъ отъ „Руслана и Людмилы“, такъ и отъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Наконецъ Гоголь иногда умѣетъ говорить совершенно безъ смѣха. Его романтическая эпопея изъ прошлаго Малороссіи „Тарасъ Бульба“ можетъ стоять съ „Бори-

сомъ Годуновымъ“: въ ней нѣтъ ни одного пошлаго лица; всѣ дѣйствующія лица ея прекрасны, озаренныя свѣтомъ борьбы за личную или народную свободу. Въ литературномъ же отношеніи на ней сказалось непосредственное вліяніе „Пѣсни о Роландѣ“. Даже и въ бытовыхъ произведеніяхъ Гоголя вспомните ярко очерченную, хотя и эпизодичную личность перваго учителя Тентетникова, оставившаго на своемъ воспитаниикѣ ничѣмъ не заглушаемый слѣдъ идеализма, вспомните, какимъ тономъ говоритъ Гоголь о скромныхъ вечеринкахъ петербургской молодежи: гдѣ-нибудь на 4-мъ этажѣ, въ небольшой комнаткѣ ведется согрѣвающая и сердце и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго русскаго поэта, и такъ возвышенно пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится и подъ полуденнымъ небомъ.

Нѣтъ, не склонность все осмѣять, не равнодушіе къ положительнымъ типамъ, а искренность таланта, не допускавшая выдумки, связала Гоголя съ Коробочками, Плюшкиными, Хлестаковыми, и Гоголь не въ силахъ былъ уйти отъ нихъ, оставаясь художникомъ, а рисовалъ ихъ, съ каждымъ почеркомъ пера отрывая частицу отъ свѣтлаго идеала человѣка, взлелѣяннаго въ душѣ. Къ этому шелъ и Пушкинъ. Напрасно думать, что только сознаніе безсилія передъ созданіемъ положительныхъ типовъ могло удручать Гоголя.

Искренній художникъ при созданіи мрачныхъ произведеній несомнѣнно страдаетъ и разрушается, какъ артистъ, постоянно создающій роли несчастныхъ людей. И Гоголевская Русь такимъ образомъ сокрушила своего бытописателя тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе, что Гоголь глубоко любилъ ее. Два глубоко трагическихъ пути для русскаго художника вдохновенно начертаны Гоголемъ въ его „Портретѣ“ и „Невскомъ проспектѣ“, и одинъ изъ этихъ путей—есть его собственный скорбный путь.

Не будетъ лишнимъ нѣсколько припомнить назван-

ныя повѣсти, остающіяся обыкновенно въ сторонѣ при разборѣ сочиненій Гоголя. Въ той и другой мы знакомимся съ молодыми, даровитыми художниками. „Не правда ли, странное явленіе—художникъ петербургскій? Художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ страгѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно!“

Холодная мастерская, жизнь вироголодь, пицета... Художнику Чарткову иногда и обидно и горько думать о легкихъ успѣхахъ заѣзжихъ живописцевъ, составляющихъ капиталы бойкостью кисти и яркостью красокъ. „Тогда пробѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ русской головѣ, бросить все и закутить съ горя, на зло всему“.

Или пуститься писать модныя картинки и портреты за деньги? Но „вѣдь на этомъ“, говоритъ профессоръ, „губится, а не развертывается талантъ“.

Но и одинъ ли талантъ нуженъ? Разсматривая странный портретъ съ живыми глазами, Чартковъ задаетъ себѣ вопросъ, почему не высокое наслажденіе, а какое-то болѣзненное, томительное чувство охватываетъ его при видѣ этой „живой природы“.

„Или рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ, нестройнымъ крикомъ. Или, если возьмешь предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренной свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли?“

Какъ бы въ отвѣтъ на это, Чартковъ видитъ, какъ давно имъ начатая головка Психеи, „ловко написанная, но совершенно идеальная, холодная“, стала оживать, когда онъ перенесъ на нее нѣкоторыя черты, схваченныя съ живого лица великосвѣтской барышни, надъ портретомъ которой онъ только-что съ увлеченіемъ поработалъ. „Психея стала оживать, и едва сквозившая

мысль начала мало-по-малу облекаться въ видимое тѣло“; картина пріобрѣла то, что „даетъ право на названіе истинно-оригинальнаго произведенія“—сочетаніе вѣрности натурѣ съ идейнымъ замысломъ. Но это было послѣднее художественное произведеніе Чарткова. Роксовая извѣстность, похвалы, обиліе заказовъ, роскошь изгнали изъ его мастерской искусство. Трудна была первая уступка, когда ему не дали „тронуть немножко желтенькой краской“ портретъ первой заказчицы. Затѣмъ Чартковъ привыкъ „безучастно, безчувственно брать предметъ“. Коринной, Ундиной и Аспазіей рисовалъ онъ дамъ, „совалъ“ Марса и Байрона въ глаза мужчинамъ, „съ большой охотой соглашаясь на все“.

Такъ шло до того момента, когда подъ впечатлѣніемъ художественной картины его прежняго товарища въ Чартковѣ поднимается адская тоска о своемъ загубленномъ талантѣ. Чрезвычайно сильно изображены Гоголемъ эти ужасныя муки падшаго таланта, его сумасшедшая ненависть ко всѣмъ произведеніямъ искусства, приведшая его къ безвременной могилѣ.

Путь продажнаго, лживаго художника—это былъ путь Сенковскихъ, Булгариныхъ, но не путь Гоголя.

Другой художникъ, такой же бѣднякъ, какъ и Чартковъ въ началѣ повѣсти,—Пискаревъ, встрѣчаетъ на Невскомъ проспектѣ чудную красавицу. „Дѣвственный юноша, еще дышавшій неопредѣленною духовною потребностью любви“, онъ идетъ за „прекраснымъ существомъ“ и... приходитъ въ „пріютъ, гдѣ челоуѣкъ святотатственно подавилъ и посмѣялся надъ всѣмъ чистымъ и святымъ, украшающимъ жизнь“. Въ ужасѣ выбѣгаетъ отсюда Пискаревъ. „Проникнутой разрывающей жалостью“, „безъ сна, безъ дѣятельнаго бдѣнія“ сидитъ онъ въ своей конуркѣ... Вдругъ его зовутъ... Онъ на балу, въ гостяхъ у своей красавицы Конечно, она „не принадлежитъ къ тому презрѣнному классу твореній“.

„Здѣсь есть тайна, она должна объясниться“... Но

люди мѣшаютъ бѣдному юношѣ поговорить съ его божественнымъ кумиромъ. Онъ напрягаетъ свое зрѣніе, рассматривая его издали... и передъ нимъ въ мутномъ полумракѣ его комнаты растопившаяся, потухающая свѣча. То былъ сонъ. „Боже, какой прекрасный сонъ! О, какъ отвратительна дѣйствительность!“

И Пискаревъ молить Бога, чтобы снова его постигло сновидѣніе. „Сновидѣнія сдѣлались его жизнью“. Но вскорѣ сонъ пересталъ посѣщать его. Онъ беретъ за опиумъ. Опять красавица передъ нимъ. Теперь у окна деревенскаго домика. „Не презирайте меня: я все не та, за которую вы принимаете меня“. Со слезами на глазахъ просыпается несчастный. Его невыразимо мучитъ мысль о томъ, что наша жизнь — „вѣчный раздоръ мечты съ существованностью“. Однажды послѣ привычнаго приема опиума ему снится, что его красавица съ нимъ въ мастерской; она слѣдитъ за его кистью и вдохновляетъ его своимъ участливымъ, свѣтлымъ взглядомъ. Пискаревъ проснулся, воодушевленный новой мыслью: довольно счастья во снѣ, онъ добьется счастья наяву, онъ вырветъ свою возлюбленную изъ того вертепа, куда она могла попасть по какому-нибудь невольному, ужасному случаю. Онъ „возвратитъ міру прекраснѣйшее его украшеніе“.

Протирая глаза послѣ безсонной ночи, встрѣчаетъ его красавица.

— Я была пьяна — поясняетъ она.

Скрѣпивъ сердце, Пискаревъ начинаетъ убѣждать ее, чтобы она согласилась стать его женой, бросила свою позорную жизнь.

— Мы станемъ трудиться... Ты будешь одушевлять мои труды...

— Какъ можно! — прерываетъ она его рѣчь съ выраженіемъ какого-то презрѣнія: — Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою.

Эти слова, въ которыхъ „выразилась вся низкая.

вся презрѣнная жизнь, жизнь исполненная пустоты и праздности, вѣрныхъ спутниковъ разврата“, окончательно убили мечты Пискарева и его душу, жившую мечтами. Не помня себя, онъ какимъ-то слѣпымъ инстинктомъ добирается до своей квартиры, и черезъ четыре дня тамъ находятъ его съ перерѣзаннымъ горломъ...

Путь генія, тщетно отыскивающего свѣтлый образъ дѣствительности для воплощенія въ немъ своего идеала — этотъ тернистый путь былъ слишкомъ знакомъ Гоголю. Онъ выступилъ на литературное поприще, когда надлежащаго взгляда на сущность поэтического творчества, на его связь съ жизнью, на его силы и границы его силъ еще не было. Традиціи классицизма и романтизма еще не были окончательно убиты. Отъ одного оставалось требованіе поучительности, отъ другого преувеличенное пониманіе свободы творчества, независимости его отъ дѣствительныхъ впечатлѣній поэта. Какъ видно по „перепискѣ съ друзьями“, Гоголь не былъ чуждъ этихъ взглядовъ, и они создали его писательскую драму.

Съ одной стороны, ему рисовался „завидный удѣлъ“ писателей, которые, „не касаясь земли, повергаются въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвелпченные образы“, и „показывая прекраснаго человѣка“, вызываютъ восторгъ толпы. Съ другой стороны, передъ нимъ торжествующіе Чартковы: мы съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Нашихъ много есть сочиненій. У насъ легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій телеграфъ... все это мы написали. И Юрій Милославскій наше сочиненіе, другой Юрій Милославскій... Мы литературой существуемъ. У насъ первые дома въ Петербургѣ...

Даже въ тѣ минуты вдохновенія, когда Гоголь, вопреки сужденію „современнаго суда“, ясно видѣлъ, что

„много нужно глубины душевной, дабы озарить картинку, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перль созданія“, что цѣлая пропасть существуетъ между „высокимъ восторженнымъ смѣхомъ и кривляніемъ балаганнаго скомороха“—даже въ такія минуты больно чувствуется ему его одиночество и вырываются у него скорбныя строки:

„И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымается изъ облеченной въ священнѣйшій ужасъ и блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей“.

Но только воображаемая прекрасная жизнь не могла вдохновить этихъ „другихъ рѣчей“, и не вынесшій „вѣчнаго раздора мечты съ существенностью“, Гоголь, подобно своему Пискареву, захотѣлъ передѣлать „существенность“ и обратился къ ней съ поучительными рѣчами своей „Переписки“.

Сынъ своего поколѣнія, не освободившійся отъ карамзинскихъ иллюзій о честномъ губернаторѣ и добродѣтельномъ помѣщикѣ, Гоголь заговорилъ о трудѣ, о служеніи Россіи, но заговорилъ съ Плюшкиными, Сквозниками - Дмухановскими, Собакевичами и заговорилъ на единственно понятномъ для нихъ языкѣ:

„Негодяямъ и пьяницамъ *повели*, чтобы они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, приказчику, попу или *даже самому тебѣ*; чтобы когда еще они завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, *летѣли бы шапки* съ головы у всѣхъ мужиковъ и все бы ему давало дорогу; а который посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе или не послушаться живыхъ словъ его, то *распеки* тутъ же при всѣхъ; скажи ему: „Ахъ ты, *невымытое рыло!*.. *Покло-*



*нись ему въ ноги* и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ—*собакой пропадешь*“.

Что можно сдѣлать, когда свѣтлый идеалъ не уживается съ темной жизнью? Можно прекратить темную жизнь, и вмѣстѣ съ отлетѣвшей жизнью кончается тоска по идеалу—это конецъ Пискарева. Можно и „погасить свѣтъ“ идеала, но жизнь во „тѣмѣ“ уже не жизнь—это конецъ Гоголя.

„Искусство есть примиреніе съ жизнью“, повторяетъ онъ послѣ изданія „Переписки“, но уже ничего не вышло изъ-подъ его пера во имя этого новаго девиза примиренія. Гоголь-художникъ не примирился съ жизнью. Примирившійся съ жизнью Гоголь уже не былъ художникомъ. Въ рѣшительную минуту онъ погасилъ свѣтъ и смѣшался съ своими героями.

Въ одной изъ послѣднихъ главъ первой части „Мертвыхъ Душъ“ прекрасно очерчена эта „искривленная, глухая, узкая“ дорога человѣчества въ его стремленіи „достигнуть вѣчной истины“. „Передъ нимъ весь открытъ прямой путь... Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его, въ глухой темнотѣ, текли люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя заходустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли таки добратся до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: „Гдѣ же выходъ, гдѣ дорога?“ Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденіямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ... и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки“.

Гоголевской Руси какъ будто нарочно удалось довести своего обличителя до отказа отъ своихъ обли-

ченій, чтобы по-прежнему блуждать въ слѣпомъ туманѣ.

Осмѣянная лучшими своими сынами, не остановившимися въ своемъ отрицаніи старой неправды и творествѣ новыхъ идеаловъ жизни, униженная, разгромленная подъ Севастополемъ, она нашла въ себѣ достаточно еще силъ и смѣлости, чтобы явиться къ пятидесятилѣтнему юбилею со дня смерти Гоголя.

Лука Лукичъ Хлоповъ вкупѣ и влюбѣ съ Сквозникомъ-Дмухановскимъ позаботились объ устраненіи съ Гоголевскаго юбилея школьниковъ и шелкоперовъ, бумагомаракъ, либераловъ.

Петръ Петровичъ Пѣтухъ въ качествѣ старшины клуба устроилъ въ залѣ общественнаго собранія „блины въ честь Н. В. Гоголя“.

Собакевичъ воспротивился учрежденію гоголевской стипендіи въ реальномъ училищѣ и заявилъ, что „какой тамъ еще Гоголь! Мы знаемъ только гоголь-моголь“.

Плюшкинъ на предложеніе думы ассигновать 200 руб. на расходы по чествованію памяти Гоголя и Жуковскаго заявилъ: „Зачѣмъ расходовать деньги? Почтили бы вставаніемъ и поблагодарили бы“.

„Люди беззаботные относительно литературы“ на юбилейномъ представленіи „Женитьбы“ вызывали автора.

Въ Маниловкѣ переименовали Жандармскую улицу въ Гоголевскую.

Артемій Филипповичъ Земляника для пользы отечества наушничалъ, что подъ видомъ гоголевскихъ праздниковъ замышляется измѣна.

Кифа Мокіевичъ нашель, „что знакомство учениковъ съ Гоголемъ вредно, такъ какъ этотъ писатель слишкомъ много вниманія удѣлилъ отрицательнымъ явленіямъ жизни“.

Петрушка въ вагонѣ желѣзной дороги сообщалъ, что Гоголь куда выше Пушкина, святой жизни человѣкъ и замѣсто русскаго патріарха почитается.

Никифоръ Тимоѳеевичъ Дѣпричастіе въ публичной рѣчи напомнилъ, что Гоголь былъ добрымъ христіаниномъ и слушался университетскаго начальства.

„Дѣловой человѣкъ“ замѣчалъ въ печати, что Гоголь чувствовалъ наклонность къ административнымъ соображеніямъ.

„Люди Богъ вѣсть какого свойства, но благородные и прилично одѣтые“, на столбцахъ „Моск. Вѣдом.“ негодовали, что нашъ „либеральный лагерь прославляетъ Гоголя не такимъ, какимъ онъ былъ, смиреннымъ, кающимся и призывающимъ къ покаянію христіаниномъ, а такимъ, какимъ онъ не былъ—дерзкимъ сатирикомъ и циническимъ скоморохомъ въ родѣ какого-нибудь Щедрина“.

Тѣ же „Богъ вѣсть какого свойства люди“ на страницахъ „Гражданина“ великодушно согласились извинить Гоголю, какъ „увлеченія молодости“, его побасенки, въ которыхъ онъ попиралъ „высшее духовное сокровище русскаго человѣка“, и предлагали всѣмъ забыть эти побасенки и послѣдовать примѣру Гоголя-христіанина, въ послѣдніе годы только „встрепенувшагося русскою своею душой...“

Прошелъ гоголевскій юбилей...

Загремѣла давно не бывалая на Руси гроза, все метнулось въ одномъ порывѣ: „Гдѣ же выходъ, гдѣ дорога?“ Но напрасно открывался роскошный, озаренный огнями путь. Самонадѣянно, гордо неисправимая Гоголевская Русь начала новыя заблужденія, но уже не смѣшныя, а ужасныя.

Напрасно публицисты, написавшіе на своемъ знамени „примиреніе съ жизнью“, стараются въ шутовскомъ тонѣ говорить, наприм., объ „удивительной новизнѣ приемовъ и смѣлой до дерзости трактовкѣ нашего классическаго репертуара трупною генераль-маіора Рейнбота въ образцовой постановкѣ гоголевскаго „Ревизора“ на московской сценѣ...“

Надъ Сквозниками, Поприщинами, Хлестаковыми можно смѣяться только тогда, когда ясно видна пропасть между ихъ бредомъ и дѣйствительною жизнью. Но когда эта пропасть заваливается грудю кровавыхъ тѣлъ, когда смѣются одни „беззаботные люди“, когда спокойны одни Кифы Мокіевичи, щедрые на довѣріе и одного довѣрія къ себѣ требующіе—тогда смѣяться не приходится, и въ мозгу, воспаленномъ ненавистью къ послѣднимъ героямъ Гоголевской Руси, стучитъ одно „всемогущее, бодрящее слово: впередъ!“

